

Ряби в спорах

Величко Алексей

Алексей Витальевич Величко

Ряби в спорах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69570880

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга об отставном сержанте военных сил США, которого начиная со службы начинают мучать проблемы со здоровьем, но больше всего героя беспокоят слуховые галлюцинации. После он попадает на стационарное лечение, где не пройдя его до конца, спустя небольшое количество времени, он выписывается и лечится амбулаторно. Его берут лесничим, где он работает и долечивается, но так как болезнь прогрессирует, герою становится только хуже с каждым днем, и он начинает злоупотреблять препаратами и алкоголем. Его главный симптом – слуховые галлюцинации мучают все чаще и героя не оставляют сомнения, что это не галлюцинации, а часть его новой жизни к которой надо привыкнуть. Герой пытается проверять свои убеждения всевозможными способами, в результате чего мы и дочитываем до концовки, где появляются новые вопросы.

Алексей Величко

Ряби в спорах

Комета, падающая где-то за дальней грядой скал, формами напоминающих двух псов играющих, чьи очертания застыли где-то далеко за остальными тремя сторонами. «Между прочим, водопад здесь как нельзя кстати», – сказал Мэйджис самому себе. Он разделяет естественно высеченные каменные изваяния, которые как бы пляшут перед невидимыми хозяевами, которых трудно себе и представить из-за гигантских масштабов гряды. Внизу форменный домик, качественно слизанный с плана строителя сценаристом своего дела. Сезонное жилье на дальних промыслах лесничих угодий. Условно его можно было поделить на две части, он был не настолько маленьким, насколько это могло показаться внизу, стоя и смотря с излучины. Дальняя часть была больше покоем для отдыха, из нужного для промысла там была оснащена лишь кладовка, твердотопливный и обычный генераторы находились в пристройке, чуть ближе гостиная, она же комната отдыха, находилась в той же половине. И, конечно же, так горячо любимый лесником камин (а вытягивал он ни дать ни взять твой маленький горн). Внезапно вспомнился ранний апрель, что-то он хотел сделать, чем-то заняться, не давала ему покоя где-то в потёмках сознания мысли их недосказанность, оставляла след неммым укором, и вроде бы

всё на своих местах, когда ковырял кочергой самый большой обломыш угля, будучи в прострации, потоки его сознания перифразом ударили в глаза стаей, нет, как бы не так, пожалуй, что тучей вострепенувшегося смоляного, как ночь, птичьа. Так и не вспомня ключевую мысль, он, опомнившись, вострепенулся от боли из-за упавшей на ногу покрасневшей докрасна кочерги, сделав пару глотков бренди, он опять продолжил свои вечерние излияния... И вот опять тот же камин, всё также на своих местах, но уже что-то, да не то, освещение поменялось, и дело не в вечерней ряби в окне, свет, хотя бы и неяркий, разлился по комнате. Это и ещё ряд неясных воспоминаний, немного страшных, ведь он впрямь подумал, что он уже не на том свете, ведь по всем канонам в западной комнате уже царила ночь. Ох уж эти пробуждения, комом в горле, нет, скорее уж позывы непокойного сердца. Одним словом, рефлексия... Вечерний сумбур... Пора прекращать принимать эти круглые, похожие на морские гладыши препараты вприкуску к крепкому спиртному. Да и в самом деле, о каких может идти речь сновидениях, если их обрывки хоть ярки и оставляют свой след, но всегда такие короткие, выдернутые бредовым рассудком из каких-то там подсознательных областей. Вострепенувшись, опомнился старичок-лесовичок, как иногда он себя называл, повторно думая сразу в двух направлениях... Чем бы заняться, если вчера была засолена половина бочки грудины с солониной с утра и до вечера. Остаётся, пожалуй, рыбалка, ибо рыбалка по ту сторо-

ну долины была обычным промыслом, здесь это было просто отдыхом с оным количеством бонусного и полезного сырья в виде не так знакомых многим нескольких пород рыбы. С целью перспективных мест голец и хариус, и чуть ниже за излучиной щуки. Места зимней, а не летней рыбалки. Гладкоствольная одностволка, подбившая в прошлый раз двух уток, что оказались рядом не в тот ровен час, нуждалась в уходе, лесник понимал, что без неё его поход не удастся. Он будет приветствовать товарища, чьи выстрелы этого же калибра он постоянно слышит. И слышит ли? Вопросы, всегда одни вопросы, как же здорово, что вариант один, с одной стороны, наверное, потому здесь и живёт. Силки с капканами стояли на своих привычных местах и приносили на себе доброе число полненького уже летнего рысака. Половина избы была завалена книгами, в основном томами классики, от пола до потолка. «В самом деле бортничество – не мой конь», – сказал Мэйджис, приглаживая снасти к длинной удочке. В самом деле, зачем тратить на практически нежное собирательство, если соратник занимается своим любимым делом без, так сказать, лески и удилица... Старьёвничество ещё никто не отменял, вспомнил почему не к месту супругу покойницу... Голубиная почта... «По-моему, это уже слишком, – сказал, осаживая заряженные удочки, услышав пару выстрелов где-то рядом, прошедшие через многие эха искажений сквозь каменные изваяния. – И всё-таки собирательство не мой конёк». Наскоро пообедав, он сам не оставил се-

бе занятий, кроме как пойти на промысел, может, позже сходиться к излучине, греясь под вечеряющим оранжевым блюдом солнца. Пробираясь через валежник, думал о своём первом рассказе, написанном ещё несколько лет назад, который так никто и не прочитал. Также он был, как некстати, так никем и не отредактирован, пользуясь случаем, вспомнил о пунктуации рукописи, которая оставляла желать лучшего, не говоря уже о горе-читателях, из которых «один ослаб, другого и след простыл», оставалось только саморецензироваться в удобной позе перед камином. Тем временем он, сгрудясь, продрался через чащобу, как бы не хотел, но почему-то выбрал именно этот маршрут, зачем, создавая трудности, ощущая нелепицу от дежавю, отдаваясь душевной боли столь явно. Вон она, гладь озера, никем не прикаянная, столь обольстительная и манящая прохладой в вечерние часы. «Зачем я оснащал удилица, чтобы потом их разобрать», – подсознательно откладывая рыбный промысел на неопределённое время, может, душевный покой и складывается из этих мелочей, из этих несделанных дел, точнее, делишек, наверное, самоконцентрация в какой-то степени зависит от самокоординации, упорядочивания не очень охочих до их выполнения. Но это лишь тень уходящего за скалы солнца, тень размышлений, не имеющих общего истока. Зачем пить транквилизатор, если его надо где-то взять, неужто на долгие мили нет ни одной здоровой мысли. Мэйджис встрепенулся... Нет, это какое наваждение, нелепица, оханьем в вечернем

зареве отдалась выстрелами за грядой, сколько ещё можно, отчего же не заняться чем-то другим, или это не он, а его сопровождающие, и почему в здравых рассудках, имея под боком аптеку с психотиками, надо приезжать и именно палить почём зря в отбившегося лося, может, они всё-таки упражняются на чём-то другом, может, по мишеням. В общем и целом опять ряд вопросов делают свою работу. Зачем задаваться ими, если мы забыли о главных качествах человека, его потребность в убийстве или звать друг друга по имени, считая количество всполохов и надеяться, не с нами ли здороваются, если как раз-таки нет, этим обычно заканчивается любая история, любой фильм... Но постойте, ведь раньше они и впрямь так здоровались (может, и не было этого раньше, ведь когда-то он и действительно отмечал дни в календаре). В праздники Мэйджис и впрямь мечтал обмениваться шифрами, не понимая, что это просто взрослое детство, маргинал такое общение не поймёт, ничего, словом, хорошего, с какой стати маргиналам приветствовать своих старинных приятелей, на самом деле основательно подзабывших их, и их же с ними облик в придачу к своему... Разрушать древнюю традицию, прокладывая древние тропки для любителей-звероловов. Лейтмотив в простом, и зачем тогда я ловлю этих остроухих, если и впрямь возврат на предыдущий уровень стать звероубийцей и звероненавистником привёл его к одиночеству, но постойте, он ведь сам к нему и стремился... В общем и целом вопросы... Порой всего лишь

вопросы. Косность мышления выдавала его с головой, надо ли принимать какое-то единогласие, если когда-то он пошёл от обратных мотивов, они то и заставляют его возвращаться к реальности. ЗАЧЕМ БЫЛО любить, чтобы потом ненавидеть эти мелочи. Последки озарений означали примерно около получаса предзакатного солнца, розово-багряное небо играло всполохами в верхушках елей. Оставалось жить по наитию, он встал и отправился обратно в чащобу, зная, что не успеет обойти все силки. По ходу раздумывая и кряхтя, не понимая, что уже скоро сумерки заберут, поднимут квинт-эссенцией здешних истоков и тайн, именно тайн никогда не существовавших легенд...

«За умудрённостью старость встречая с упоением в закуте своём. Храня число былин об заклад, не втянутым страждой быть им в свет запрещает, последний с пороком в роду, в разбитой ладье на причале, айда в унисон его импульс отсчётный слывёт в злоключён, чёлн пришвартован, пульсации вехами жизни в нём, да образом перетрясён. Аморфно до избавления охоч, как жилится до сродни, так же самовластием могуч. Столб под кровлею столь тяжким бременем, потоком зарева во плоти в том рдении небесном не кажет только наивства, сколь оным ниспадение дает».

«Конгениально, – проямлил Мэйджис, – хотя и попахивает тарабарщиной». Да с какой стати вспомнились эти строки? И куда их пристроить? Оставить в черновике или доработать и опубликовать как стих? И почему его дни будто сли-

зывают друг друга, какая цель повторов одних и тех же занятий, и о каком, собственно, издании могла идти речь. Кому это нужно и, самое главное, где. Теперь к вопросу о злосчастном собирательстве. Веранда была пристроена к дому не для сонных вечерних посиделок, скорее всего напоминала гараж или сарай открытого строительства, по прямому же назначению являла собой заготовительное пространство, заваленное инструментом, заставленное бочками и ящиками, под потолками томно ждущими рядами висели веники разных древесных пород, стояла софа, сувениром в углу прислонён якорь, стену возле окна украшали большие лосиные рога, Мэйджис нехотя окинул взглядом всё то, что ему, кстати, не особенно сильно импонировало, весь этот бардак и хлам, однако ж мысли о заготовках отгоняли все дурные. Твёрдотопливный котёл необходимо было заправить дровами, которые предстояло наколоть... «Vaboom», – сыграло на перепонке эхо, похоже на разрыв снаряда, Мэйджис приготовился к новому. По ощущениям будто барабанную перепонку сжали в тот самый барабан, только очень маленький, можно сказать, просто малюсенький. А вот и второй... К нему он оказался готов, второй хлопок был скорее из мелкашки, чем из двух стволов 12-го калибра, и почему каждый выстрел на его территории отдаётся такими душераздирающими болями? Уже на бегу хватая ружье, загребая патроны со стола, проверяя свой объёмный фунтовый кинжал, Мэйджис поймал себя на мысли, что сидит, обнявши голову обеими руками... В про-

шлый раз это было как в бреду.

– Как в бреду, – повторил Мэйджис, сейчас иначе, словно разряд молнии после её, собственно, появления.

– Не может же это, в конце-то концов, не быть, если даже эхо в долине довольно-таки ощутимо...

– Нет, тут ошибки быть не может просто... совсем просто...

Похожее на джунгли марево двигалось под ветром ярдах в трёхстах от Мэйджиса, ельник, если приглядеться, и почему так странно и действительно меняет цвета, будто приспособиваясь к больной фантазии.

– Моё воображение явно не ищет лёгких путей, – говорит Мэйджис. – Надо что-то принять – и бегом, пока это что-то не вышло на большую охоту – охоту на него. Да, то есть на меня, не могу я поддаться на это снова.

Рука сама тянется к полке в тумбе, где разбросана вся его любимая фармацевтика, панацея, как считает Kichborbn, в более широком смысле панацея для общего здоровья и одновременно от здоровья, но душевного. Совсем не так давно медикаментозный опыт начался с маленькой дозировки, сейчас доходил до небольших горстей, причём седативные препараты приходили на смену антипсихотикам. Эти захваты прямые и обратные, открывающие и закрывающие, дофаминовые и серотониновые каналы и прочая дребедень, в этом Мэйджису хоть и приходилось разбираться, он поднапорел в старой доброй пробе, то есть привычке, примерно

даже представляя, как и с чем мешать таблетки из его ассортимента. Снятие побочных симптомов болезни он полагал возможным для современных нейролептиков (выстрелы он относил к этому), по крайней мере, желательное применение в этой сфере было вычитано из инструкции. Выпив две таблетки, Мэйджис накинуд разгрузку, сунув в неё нехитрый скарб, окончательно стал успокаивать себя, надо было решиться на пробежку, дойдя до входной двери, схватился за ручку, опустив голову, начал делать сильные вдохи, силой воли и нервным перенапряжением больше похожие на спазматические, понимая, что лечиться сегодня будет психотропами и кроссом, а это прямой путь до припадка или инсульта. В его годы мысли о самосохранении приходят сами собой, часто, как сейчас, в какой-то больной и извращённой форме.

– Господи, опять потоки сознания, – взмолившись и почти отдышавшись, охотник всё-таки поворачивает дверную ручку и выходит, слегка прищуриваясь на божий свет...

Глава 2

«Природа как природа, если не вдумываться, можно и не наслаждаться», – подумал Мэйджис, теряя из виду самое важное, то, что уходило безвозвратно с приёмом препарата, или, соответственно, принимать за должное, что сотворено было миллионами лет, пережило всякие дразги и в своём первоизданном виде просто обязано сводить с ума, надо ещё больше проводить вне дома, отдавать должное этой данности, особенно закат, полноразмерный, если можно так

выразиться, широкоформатный, являющийся прямым завершением трудового дня, глотки чего-то нового, хотя по смыслу это скорее забытое старое. Запах хвои пропитывает насквозь, такой чужеродный, сладковатый, напоминающий приезд об ионизирующем наполнении леса. «Да, – подумал Мэйджис, – приезжие здесь большая редкость, можно сравнить с сообщающимися сосудами, когда из одной колбы жидкости никак не попасть в другую, пока в ней не появится нужное давление».

Да, сравнение научное, грешно на фоне алеющего заката оперировать такими.

Почему Мэйджис любит пройтись один именно в это время, губа у него не дура, не то чтобы позвать с собой кого-нибудь друга, фронтового, например, навестить, так сказать, вспомнить былое, хотя бы Сайнтера. Знает старый пёс, что можно, но почему-то не пользуется всеми благами, особенно дружбой с людьми, с которыми жизнь порой висела на одной тонкой нитке не один раз. Выбирает быть одному, вот уж где пошатнулась многовековая дружба пещерного пса с человеком, если даже братья меньшие стремятся в эти немногие отведённые минуты заката перед сном предаться своим, таким земным мыслям, уйти от себя, а в лице Мэйджиса отдаться сиюминутным возлияниям наедине только с сущностью бытия. Темнохвойная, вечнозелёная, преимущественно высокая, закрытая плотностью полога, встречала чаща Мэйджиса, песчаная почва, ковёр из шишек, ели буд-

то манят своими лапами, просят почтения войти, встречает щебетание птиц, их много: где-то дятел, где-то скворцы и дрозды непрерывно упорствуют в общении и добычи пищи, дальний потреск листьев или непрерывное качание еловых и пихтовых верхов, в общем и целом ничего нового, море, зелёное море, Мэйджис погружается в него, словно в себя самого до приёма препаратов, будто в дрему, чувствуя себя как рыба в воде. Раз за разом тянет его сюда, вот почему он так и не завёл собаку, он растворён во всём этом, в ароматах, стоя на песчанике, ещё в детстве мечтающая по чаще выбираться сюда с родителями. Теперь пробираться... Ели – не сосны, лучи солнца кое-как пробиваются сквозь плотные ряды, которые, будто подбадривая его, подталкивают к движению своими сильными ветками-руками. Ничего сложного, в Ираке по свисту пуль высчитывали направление выстрела, а тут всего-то... Услуги картографа не требовались – карта была в голове, исхоженной тропой двигался охотник к предполагаемому месту выстрела, тропы не было, зато ельники давали смутную надежду в виде почти осязаемых объёмных световых столбов. Всего-то туда и обратно, подмётки, и те придётся оставить здесь, уговаривает себя охотник, опять надеясь на рассудок, будто бы он, а не его хозяин играет в прятки. В конце-то концов, это его территория, соответственно, ему решать, а уж его организм будет подстраиваться под него с какими бы там ни было условиями.

Пройдя ручей и два пролеска, Мэйджис прислушался,

он преодолел примерно две трети, и глазомер-то пока ещё точно его не подводил. Охотник насторожился. Доверяй, но проверяй, первое правило их команды в Ираке, несмотря на заградительный статус. Взведя курок, не стоило наступать на шишки, Мэйджис отошёл за дерево. *Memento mori*, то есть «помни о смерти», стало в последний год крылатой фразой и для него. Стрелок притих, стоило разобраться с собой раз и навсегда, доказать, что не только крылатые фразы и неуставные военные правила управляют им сейчас, необходимо было убедить своё сознание в невозможности происходящего. Его дом, его долина, он хозяин здешних мест и ждёт неспроста. Готов ко всему, и к труду, и к обороне. Как бзик, отдавались в висках спасительные секунды, всё подводилось под одно и то же, за эти всполохи всегда кто-то должен платить, и Мэйджис это прекрасно осознавал. Выждав ещё минуту, он стал прислушиваться к такому родному для его слуха лесу. Исходя из дикого убеждения, было чуждо рассчитывать на иные звуки отсюда, успокаивая себя, считая чем-то из области фантастики. Но тут пришлось услышать их вновь... выстрелы, один за одним, громко, прямо за грядой, ни дать ни взять издёвка... Это не его территория, но сезон-то не охотничий тем не менее... «Это следует за мной или часть меня...» Калибр не всегда один и тот же – стрельба, по ощущениям, была 16-го и 20-го калибров. Но при этом выстрел из двенашки был здесь, как пить дать, в долине, в его родной, где он всех птиц наперечёт знает, каждое животное священ-

но, убивается только из-за выживаемости, и даже рыба ловится только им, он забыл, когда здесь последний раз ступала нога чужеземца. Он играл в открытую, сдача была новой и опять не его рукой. Самое хреновое то, что он не знал значимости своей масти, оставалось съездить в город Р. и ответить ещё раз на один и тот же несуществующий вопрос.

Глава 3

Надо бы съездить за припасами до поселения. Мэйджис хоть и любит выбираться иногда, но втайне для местных, да и себя тоже ненавидит себя за это, считая предателем, оставаясь маргиналом и аскетом. Последняя вылазка в город была три месяца тому назад, никто не отменял топливо для генератора, продажу пушных (здесь расписать про продажу), покупку таких важных для существования вещей, как соль, специи, спички, патроны, что-то из инструментов, зимние-летние вещи и, кроме того, многого другого.

Старенький пикап «Шеви» нуждался в техническом осмотре и сразу в капитальном ремонте (сход-развал, проверка ШРУСов и рычагов подвески, замена как минимум одного амортизатора, тормозных дисков, а также многое другое, что так упорно откладывалось в дальний ящик).

«Кстати, о ящике, надо составить список покупок, не забыть ничего, как в прошлый раз. И не стоит сегодня мешать односолодовый с валиумом», – подумал Мэйджис. Кстати, об этом отдельная история, да и в целом, наверное, достойная автобиографичного рассказа, однако, если не вдаваться

в крайности, пожалуй, стоит уделить внимание этой немало-важной части хотя бы вкратце.

Что тут греха таить, в иракском Эль-Куте они баловались травкой, отдыхали под палящим солнцем Ирака восточной и более мирной части его страны, операция «Иракская свобода» шла полным ходом, но поисков оружия в городе не предвещалось, для охраны аэропорта, а также для укрепления региональных позиций было решено построить охраняемую базу, вот тут и проводили свои часы Мэйджис со своими соратниками. Независимо от хода боевых действий состояние было в ружьё, не допускалось самоволок, но стрелки нашли способы и здесь, шииты поставляли отменную дурман-траву прямо к аэропорту Блеру, отсюда и завязалась у главного героя своего рода заикленность на себе, нездоровые эксперименты с сознанием и его расширением, доходило пристрастие до колумбийских сигар из сухих листьев каннабиса. В скором времени Мэйджис стал терять память, слуховые галлюцинации не покидали его с начала операции, выстрелы и всполохи, обрывки молитв шиитов и многое другое, но беспощадное солнце сделало своё дело. Он начал худо-бедно бояться, что не разберёт происходящего: наступление, они обороняются, или же просто он опять поплыл, причём так далеко, что находится в двух реалиях одновременно. Следовало завязывать, причём время работало не то чтобы на него, оно упиралось против всеми делениями...

Однажды ночью на базе произошел инцидент, такой, что

до сих пор он заставлял покрываться потом при воспоминании. В дозоре их было трое: Мэйджис, Сайнфер и Хобс. Все отличные стрелки. Мэйджис коротал свободное время за чтением, остальные двое резались в покер. Вдруг на самом интересном месте Мэйджиса подбросило... Мигом хватая карабин, он стал понимать, что вроде ничего и не происходит, нет звуков, всё застыло: ящики, техника, прожектора по периметру, – он стоит, Хобс глядит на него, как на идиота.

– Что с тобой, дочитал до дворника в завязке?

– Не смешно, не смей мои подмышки, – ответил Мэйджис. – Слышал что-нибудь?

– Нет, а что такое, тебя опять прёт?

– Ты знаешь, я в завязке, побаловались – и хватит, тут я больше не игрок. Ты ничего не слышал?

– Ты точно в завязке? Может, всё-таки дёрнешь пару раз?

– Я же сказал, с этим всё, не хочу больше слышать, у меня начинается лютая измена, да и синдром отмены такой, что хоть волком вой. И всё-таки я про хлопки, будто секретная служба США начала отрабатывать по нам, используя свои суперпушки с глушаками.

– Окстись, а лучше иди посмотри сам, кому мы тут нужны.

– Пожалуй, с этого мне и стоило начать, – сказал Мэйджис недовольно.

Шестое чувство не дало соврать, никто ничего не слышал, всё это бред взбудораженного каннабиноидами изменённого сознания, психомоторное возбуждение давно прошло, но

что-то же должно остаться, что подвело его к слуховым галлюцинациям. Убеждённость, что болезнь прогрессирует, не отпускала, заставляя двойственно думать и даже слышать и видеть, поэтому Meigis и не собирался больше ни крутить косяков, ни пить алкоголь, тем более что нести службу за него было некому. Все поголовно на чём-то сидели или просто пили, жара сводила с ума и вносила большую дезорганизованность в ряды войск. Спасало положение постоянно откомандированное начальство, относительная безопасность базы и аэродрома, низкий показатель значимости базировавшихся ящиков, которые складировались в основном вокруг.

Капрал прошёлся вдоль забора в сторону шума, а именно южной башни. Времени от начала и до конца разговора прошло не более 5 минут, однако стоило поторопиться. Ошибок больше быть не должно.

Подходя к башне, холодок пробежал по спине Мэйджиса, выкрикнув новое кодовое слово «twistzero», не получил отклика, после чего понял, что никого на башне нет, по крайней мере, снизу не видно, решил слазить, дабы убедиться в предположении. Прожектор горел исправно, значит, штурмовать, скорее всего, бы не стали, хотя тут больше пахнет диверсией, Мэйджис поймал себя на мысли, что сильно кружится голова, полез наверх...

Позже, гораздо позже после разбирательств Мэйджису дадут внеочередное звание сержанта. Кстати, со всей уверенностью можно сказать, что троило его изрядно, особенно

сны, которые обычный житель долины (да и не только долины) просто бы не пережил, сразу не проснувшись, герой стойко переносил, мучаясь изрядно, просыпаясь от головных болей, слыша в голове голоса ушедших в прямом и переносном смысле, хотя порой и не всегда, если выразиться полунаучными терминами, ещё много от чего ощущал страдания. Так и не понял ни он сам, ни его совзводники, почему услышал Мэйджис с другого конца базы хлопки, не говоря о том, что шахиды действительно пользовались глушителями. Препараты выписывались ему на постоянной основе, он должен был принимать их в стационаре, не амбулаторно, однако, отлежав единожды в таком отделении, познав все лишения, коих на самом-то деле было не так и много... В общем, герой не мог ощущать себя за решёткой полноценно, при всём при этом понимая, что он затворник и сумасшедшим его делает именно одиночество. Написав всем, кому только можно и нельзя, а именно в министерство обороны, министерство здравоохранения, прокуратуру и местному главврачу, вышел, не пройдя полноценного лечения, да и о каком лечении могла идти речь, если все признаки душевной болезни, он считал, только из за засовов на дверях, в общем, представительства министерств сделали то, что должны были, а именно помогли выписать горе-больного на амбулаторное долечивание, которое затянулось, переросло в препаратозависимость на долгие годы, плюс крепкий алкоголь, помогавший уйти от реальности.

«Какое там потомство, если я пью транквилизаторы и нейролептики горстями, а алкоголь служит проводником из одного состояния в другое...» Этим умозаключением он успокаивал себя...

Глава 4

Он действительно так считал. Потомство оставляло следы пребывания, а следов от него было хоть отбавляй, цивилизация не отпускает, так считал Мэйджис.

Так вот, с этими мыслями по дороге в город, кстати, название мы с вами упустим, дабы не создавать из чудного места для кого-то цирк, для кого-то, не побоюсь сказать, сиротский приют. Назовём его городом Р... Все 40 миль не зная, хватит ли ему времени прийти в себя, выезжать надо было в ночь, дабы по приезде объехать к открытию все рестораны, где он и продаст дичь и рыбу. «Вот чёрт», – подумал Мэйджис. Не выпил этот проклятый нейролептик, чувство безысходности и депрессии по-тихому стало накатывать. Свои состояния души и тела лесник успел изучить, дабы не было дня, чтобы нельзя было применить на практике лечение. Сегодня ощущение гнёта и чувство безысходности разыгрались не на шутку.

– И почему я не держу препараты в машине? – посетовал Мэйджис на свою невнимательность. – Кроме того, я бы ещё раз прошёл Ирак, только бы избавиться от напалма в голове. Куплю нейролептик в городе.

Транквилизаторы он принимал только с алкоголем, и то

чтобы забыться вечером, скрасить досуг старым добрым храпом, никакого наркотического подтекста, всё для ЗДОРОВЬЯ. Тем временем «Шеви» нёс его по колее, день обещал быть насыщенным, стоило дотерпеть до аптеки, и это было главной задачей. Рецепты он оставлял в бардачке, на это его хватало... В глазах потихоньку мозаикой заиграли цвета и краски, ехать осталось половину пути, попутных мыслей у Мэйджиса не возникало...

Надо отдать ему должное, город имел достаточно индустриальное для местности значение, несмотря на долинное расположение, геология не спала, и цветные металлы добывались в районах наравне с рудой, мегаполисы построили магазины, парки и школы, бизнес имел место административный под эгидой свободного предпринимательства...

Успеть надо было к двум ресторанам и рынку, также не опоздать и в сервис, далее по списку супермаркет, бакалея, магазин спецодежды, автозапчастей, поскольку там ждали все необходимые запчасти. К поездкам Мэйджис готовился, дабы не бывать в местах скопления людей более отведённого для этого им самим времени.

Первый ресторан забирал половину дичи, Мэйджиса, несмотря на довольно-таки непримечательный вид и естественную маскировку в виде самой заурядной спецодежды, всё равно знали многие из obsługi, что ему сильно не нравилось. «Но теперь это сослужит мне службу, – охотник злобно потёр руки, – круг подозреваемых небольшой и бу-

дет начат с головы, главное, чтоб не стух как рыба». Мэйджис усмехнулся. Обговорив все детали, не прибегнув к тому, чтобы уточнить количество выстрелов, а именно четыре, Мэйджис получил от ворот поворот, на что он, собственно, и рассчитывал. Никто ничего не слышал, и об охоте на внутренней стороне города и слухом не слыхивали. «Даже как-то обидно, я тут в пристрелки, понимаешь ли, играю, слуховые абсцессы, игра на понижение, втаптываю в грязь своё эго, отговариваясь элементарным отсутствием друзей и общения, а в ответ «нет, не знаем, не слышали. Ладно, лиха беда начало, день только начался, ещё успеется, что-то подсказывает, что шизофрения не у меня тут одного. На то я и лесник, чтобы знать наперечёт нужных людей... Главное, наперёд не сообщать главное...»

Распутавшись с мясом, Мэйджис оказался за углом, в зоне выгрузки, где раздумывал над тем, что предпринять дальше. Была у него пара передовых идей, тем более что день только начался. Расспросы кладовщиков и приёмщиков мало к чему приведут, лесник решил действовать напрямую. Как раз из-за здания показался патрульный «Форд», сержант отмахнул Мэйджису, и тот в ответ попросил притормозить. Сержант Пёрс, как он представился, был не знаком герою, что на самом деле уже было событием знаковым, хотя бы Мэйджис был не местным и не старым по местным меркам лесничим. Полицейский был на каком-то задании, но не преминул шутиливо поприветствовать коллегу, они поздоровались.

– Сержант, не буду вокруг да около, мы с вами почему-то не знакомы, поэтому я рад, но у меня есть подозрения, что на моей, да и на вашей территории появились гастролёры!

– В смысле, что-то случилось?

– Да, вот и мне интересно, есть примерные места стрельб, но гильз там нет... Охотничьи карабины, калибр от 12-го до 20-го. Вам ничего не известно? Такое ощущение, что стреляют на уровне самого города, это у вас, у себя на этот счёт, да и вообще я пока не уверен. Вот, например, вчера вечером в 7 не слышали выстрела 4 разных калибров?

Мэйджис знал, что играет ва-банк, незримая граница была у него в руках, и он не собирался сдаваться, шизофрения не отменяла ряда факторов, которые проверялись снова и снова.

Сержант задумался...

– Первый раз слышу, хотя постойте, был тут у нас один разговор с лодочником не так давно. Было нечто подобное году эдак в 10-м. Массово приходили люди, жаловались, выходили на поимку, устраивали заграждения, да, всё так, но в прошлый раз власти всё отнесли на массовые случаи психоза и галлюцинаций, Якобы газы, выработка и так далее, итог такой – один ранен, несчастный случай из-за некачественных боеприпасов, ни одного стрелка-партизана, да и гильз всего две, им, судя по всему, несколько месяцев. Вот, собственно, и всё. Может, всё-таки это ваши там у вас... охотники... Да, те, что лицензированы, шмаляют от бедра и вприсядку, так

что пули веером, вот вас геодезия и подвела? В общем, доставайте ваш телефон, запишите меня как Пёрса, звоните в любое время и не тяните, в конце-то концов, я чувствую, дело не ПОСЛЕДНЕЕ.

После недолгого ответа о погоде и делах перешли к главному, о чём хотел поговорить Мэйджис. Оказалось, что стрельба вне лесничества запрещена в любых проявлениях, да и сезон был не на те калибры. В общем, дело было ясное, что дело было тёмное, часть населенного пункта и впрямь принадлежала лесничеству, но в городе по-прежнему было табу на это. В смысле на охоту. Дел было невпроворот, и Мэйджис поторопился раскланяться.

После ресторана «Небо» охотник заехал на рынок, где по оптовой цене отдал 20 фунтов вяленой рыбы нескольких видов. После закупок он планировал поставить авто на ремонт и сходить в администрацию, поспрашивать там, собственно, единственное, что ещё оставалось, так это поговорить в автомастерской, благо она располагалась у подножия горы и подходила идеально под место предполагаемой охоты...

Не будем заикливаться на магазинах и покупках, Мэйджис был болен и считал себя не способным и на пятую часть для того, чтобы поехать в город без списков, всё было предельно, нужно и точно, грамотно посчитано и выбрано. Сказать, что лесник что-то узнал, – это ничего не сказать, говорили... говорили, и местами даже много и по делу, ссылаясь, как правило, на свидетельские доводы от третьих, четвёртых

и, не приведи бог, десятых лиц.

Лет нашему герою было не много и не мало, возраст был неприличен для вопросов молодых и приличен, если эти вопросы были по делу и не пустой формальностью... Однако Мэйджис понял из СВОИХ вопросов только то, что вроде бы никто был не в курсе, и вообще выстрелы здесь не редкость, в городе работает открытый тир, охота на утку и зайца по талонам – пожалуйста, право каждого законопослушного американца на оружие никто ещё не отменял, смысл остаётся понятным... для своих стрелков и куропатка куцая и низко летит... Мэйджис подъехал к администрации порядком вымотанным, зато не удручённым новыми вопросами, кое-как составил график произошедшего, стал холодеть ко всему этому, утренняя аптека стала играть в обратную сторону, хотелось отдохнуть либо подзарядиться чем-то типа пары шотов... Кивком чёлки охотник отбросил последние сомнения и отправился к зданию, приятно было думать об обновлённой ходовой пикапа, сделали и сход-развал, и даже балансировку... Что говорить, да и времени было порядком, вопрос оставался открытым. Лучше одна улика, чем ряд вопросов, сейчас любой вопрос снимет отдых, и его вечерняя дозировка – лекарство от всего...

«Да и от головы в первую очередь».

Мэйджис зашел внутрь... Его встретил недрожелюбный секьюрити в помятой робе и пенсионного возраста, спросив «Куда вам?», лесничий парировал:

– Лесная служба, представительство.

– Проходите, всего хорошего

Далее по коридору и направо вверх, второй этаж, не горит светильник, один моргает – что-то новенькое, коридор резко раздался вширь и удлинился, что за хрень, Мэйджис шарит по карманам, утренняя порция была выпита, в обед он добавил таблетку и бутылку пива в мастерской. Всё ДОЛЖНО быть нормально... Кое-как до кабинета, в потугах, лицо резко позеленело, покрылось потом тело, стало склизким и неприятным, обидно, потому что вечер обещал быть неплохим.

Что за херь, он плечом пытается помочь себе войти, в конце-то концов, может, вскрыться уже, взять больничный, лечиться, сколько можно уже это выносить, и почему ему всё хуже, дверь не поддаётся. Наверное, её запер тот, кто повыкрутил лампы... Далее всё размыто, он плетётся обратно, назвать это по-другому нельзя, спускается по лестнице, охранник спрашивает его о чём-то, охотник медленно, проговаривая каждое слово, отвечает... Потом туалет, улица, ему лучше, но всё же не так, как было, что-то уже не так, Мэйджису кажется, будто часть его теперь останется здесь, распадаться на фракталы не ново для него, что-то типа валиума в большой дозировке... Вот машина, он садится как в последний раз, хотя и понимает, что может не доехать, заводит и покидает город Р...

Глава 5

Там, где всё начиналось, там и закончится, тут, как ни крути, не было никаких сомнений. Последний бой – он трудный самый, мысли наплывали кучей... Война войной, но чем-то надо было отвлечься, и Мэйджис знал, его вечный зов оставял больше вопросов, чем ответов. Почему именно выстрелы, нельзя было придумать что-то помелодичней, дабы обмануть огоньки человечности, или не только? Отчего так отчётливо и имеет дальность покрытия?

– Нет, не может, быть это в моей голове, или всё-таки это шизо, настоящая шизофрения, ведь я охотник, для меня эти звуки – что-то большее, чем хлопки, звуки, отнимающие жизни в прошлом, отдавались жизнями, отнятыми в настоящем.

Вдруг Мэйджис услышал хлопок, конечно, сильно испугавшись, выстрел грянул где-то за ближайшим прилеском, ноги сами собой подкосились. Теперь не оставалось ничего другого, кроме как схватить ружьё и перебежками влиться в лесное пространство. Его лечение, которое умозрительно было правильней назвать гомеопатией, переросшее в пристрастие, плюс алкоголь сделали своё отягчающее дело, но тем не менее Мэйджис ещё не потерял остатки хватки. До леса оставалось метров триста, когда раздался ещё один хлопок, на этот раз ближе. Может, лесное благоуханье ревностно относилось к его здоровью, но он начал дедуктивно мыслить, до него долетело два выстрела, и один был значительно ближе, априори он слышал, что стреляли двое, по звуку

это охотничьи ружья, но не точно, могли быть как карабины, так и снайперские винтовки. Выбор был невелик, не с его арсеналом влезать в перестрелку. «Востребовал долг», – подумал лесник. Да, точно, работу никто не отменял. Хотя предстоящее дело его угнетало, времени для раздумий в этот раз не было, хоть и знал, что в обход незваных гостей преодолеть предстояло чуть более пяти километров. Долина была небольшой, поэтому выстрелы были чересчур и в крайней степени не тихими. Мэйджис вбежал в лес. Тот жил своей жизнью, как бы этого ему ни хотелось. Снег сошёл, в звуках, как и во всём, слышался рост, весенние хвойные, хотя и не теряли свои одеяния, незримо наполнялись благоуханьем. Трели, слышимые ранним вечером, теперь стихли, ожидая долгожданной тишины. Ещё маленькие листочки, которые недавно были почками, нашёптывали свои неумолимые молитвы. Вот долы сменил долгожданный бор, распахнул для нашего героя свои объятия, он повернул налево, двигаясь быстро до ближайшего прилеска, или порядка, как его ещё называл Мэйджис. Ружье мерно гарцевало с одного плеча к другому. Постепенно укорачивая отрезок пути на открытой площади, Мэйджис почувствовал всем своим естеством какие-то изменения, будто что-то поменялось, не в картине леса, не в этих диковинного вида огромных елях, нет, тут что-то другое подсказывало повернуть не в лес, не в этот час. Но что он мог с этим поделаться? Эта первозданная структура, словно друидическое влечение, знала, позволяла в неё

попасть, намерение влиться открывало путь к применению этого знания, область сама взывала к естеству, показывала, где и зачем. Обычно двигаясь по наитию, он, конечно же, не преминул отправиться в самые чащобы, всё, чего он хотел, – это добраться до промежуточной точки этого спринта, и чем раньше, тем лучше. Где-то там он и рассчитывал на встречу со стрелками, и, естественно, на своей территории он не приемлет никакой пальбы. Лес ждал, манил, обдавая незримой прохладой, наделял органы чувств сладострастной свежестью, обоняние заряжало рассудок каким-то чуждым человеческому упоением. Решив проверить снаряжение, зная, где патроны, всё же перепроверил, нащупав их в карманах разгрузки, были битком ими набиты, позволяли набивать приманками, коробочками с блёснами и грузилами. В наборе был бинокль, манок, ещё патроны мелкого калибра, за поясом крепился охотничий нож. Так уж он был устроен, таскать всё это, не зная, будет ли желание заниматься, и нехотя каждый раз выкладывать из карманов. Чувствуя себя спокойней, он двигался, это было его стихией, не могла она подкачать в этот раз, Мэйджис, зная каждую тросточку, мог двигаться достаточно бесшумно, хотя годы уже забрали своё. В смешанном лесу он не мог полагаться на пертурбации своих ощущений так, как в хвое. Он знал примерное место и время, и на данный момент этого ему хватало с лихвой. Почему-то даже глазом не повёл, уже второй раз всматриваясь в нависшее над полувековыми кронами вечернее небо. Не

тут-то было, природа как бы замерла, ожидая преткновений неприкаянных душ, была и впрямь готова к вечерним изливаниям, зная, что он знает... Его счастье, в его натуре вмещать в себя и скепсис с философией, ведь сколько бы колец дерево в себя ни вмещало, оно напрочь отметало возможности слиться в последним вздохе с собой, мотивом жизнь к жизни и никаких фамильярностей, тем более для местного контингента это знание на стороне, и тем более никакого кровопускания, смертного одра просто так тут никто не отдаст. Эта мысль согревала, в иной раз он вспоминал даже местные игры в переглядки и пристрелы. Но об этом скорее чуть позже. В этот день он тактильно ощущал: эти ряды и их порядки ждут от него абсолютных решений. Он впитывал, не оставляя без внимания и юморески, ведь был лишь человеком, всего лишь крохотным структурированным созданием, но никак не леший, сколько бы он здесь ни находился. Недосказанность не отпускала ответных эмпатий, но давала право ходить по этой поросшей вычурностью целине из мха. Прокладывая путь, он настраивал себя, не желая вдаваться в эти тягостные минуты размышлений, столь притягательные своим диссонансом. Вот он и на тропе войны, цепляясь за осколки мироздания, пышущего своими изливаниями.

«Исстари последыш, равноправен ходок-чернотроп по всем линиям приволья, в будущность покамест не вписан судьбою, облагодатил бобыль, паче день в нём ненастный корпит фортуной в утробе, бризы ими искусно ведут на маяк

громовержцы-последки... Всеми отблесками наследья бригов... Пути осветит под призывами «будь им»...»

Прерогатива соавторства как-никак, ведь письмо принадлежит не только создателю, а всему, что его окружает, ненавязчиво доносит свой слог о дивный край.

«Не вовремя...»

Как же не вовремя? Ведь инстанция дала ему новые подтверждения, хотя место написанного пером не вырезается и топором, а скорее выплёскивается наружу, порождённое эхом восприятия... Встрепенулся несостоявшийся художник – модератор своего дела. Нельзя так ожидать бурелом под чуждыми в нём людьми, если само место подвержено ортодоксальности бытия. Не вливается в картину произошедшего и должно быть огорожено от мнительности третьих лиц. Это было бы более чем явным подтверждением неизбежности предстоящего действия, и не вокруг да около, а, прямо сказать, таки во всей красе. Минуты шли часами, Мэйджис уже был на взводе. Пришедшая на смену выстрелам тишина не сулила ничего путного, и хотя бы флора imponировала охотнику, больше настаивала на скором возвращении. Филигранно обтачивая кинжалом огрубевшую кожу большого пальца, охотник ждал новых сигналов к действию. Была бы хата с краю, откупоривал бы новую бутылку, а пока – терпение, массивная кряжистая ель была защитой и оплотом в этот нелёгкий промежуток времени. Отвлечённо, весь в раздумиях, Мэйджис достал бинокль, попутно держа его

любимый и так же горячо называемый «мушкет». Жилет был скинут, дабы облегчить закостеневшие тела, и почему-то всё пахло и цвело, но шорохов до сих пор не было, свернув одеяние, оставил под кренистыми корнями свои пожитки, и, поднимая ружьё, распихивая на ходу патроны, он продолжил свой пост. По правую руку, знал, чуть ниже зиждется огромный валун, как вариант – подняться и занять оборону на высшем порядке. Что здесь не так, не могли люди стрелять в дичь с этих позиций, большое расстояние отделяло их друг от друга. Одно лишь слово – скепсис – всплыло в сознательной памяти. Лучше больше тривиального, нежели эти умственные регрессии неба в середине путча из бурелома. Самоироничные мысли, и не более, но не было сейчас возможностей тратить на них драгоценные минуты. Собравшись, взяв за цевьё свою винтовку, Мэйджис перебежками двинул к валуну, отрезок невелик, но куда уж там, подбегая к последнему рубежу, лиха беда начало, надо было споткнуться о корень.

«Но только не так, не такая детская», – чертыхнулся охотник на корень, имея в виду свою оплошность. Но разбитые колени могли войти и в его нелёгкие трудочасы престарелого, но ещё имеющего в запасе пару добрых, здоровых лет нелегкой стези работника столь почитаемых им угодий. Вскарabкаться было несложно, главное, не чувствовать боль в ногах, шептал себе Мэйджис, в его понятиях о переходах не было ни намёка на скалолазание с обтёсанными до мяса

коленями, вверх и только вверх, ни единого намёка, больше не упустит, будет чтить и свято хранить память о неурядице. Сложенные руки доделали залихватские манёвры, вот он на гребне. Зубоскаление не входило в планы, но как бы не так, дело было сшито, оставался лишь «зоркий глаз». Тут ему не было равных, прицел наводкой на ближайший порядок, и мушка ровно на перекрестии. Оценка жестокости и злобы эхом возвращала к силкам, эта привычка неслабо гутарила каблуком первооснов, древнейшие письма антино- тацией вливались в его память, и казалось, откуда бы им братья здесь, практически на ровном месте... Мысли, всего лишь мысли. Где были его верные логики? Хватаясь за киянку, ревновать своих кровных соплеменников к будущим пожирателям бургеров с тунцом – то ещё занятие (почему не учение потомков, а эта банальность). И ведь, находясь здесь, на отшибе в долине, он понимал мотивы, но не мог уловить главного ниспосыла, почему это происходит сейчас и здесь, вот прямо так, когда он лежит на этом куске много- вековой породы. Ответы, которые он никогда не поймает без первопричин, без самого факта контакта с оным... Где-то грянуло... Он запечатлел эхом свой голос, доносящийся от- куда-то с другого местоположения. Откуда он мог знать, что это ЕГО голос, можно ПРОСТО говорить, чтобы ЗНАТЬ. Картины, нюансы и недосказанности простых истин – всё по- плыло, завертелось круговоротом сюрреализма... Вот он с бокалом, вальяжный, окунувшись в дородность сытого оди-

ночества, поднявший, правильной сказать, «целину» практически с колен. Почему он в тот момент не начал озадачивать себя? Где была репродукция перехода наскального на папирусное «своей точки я». Быт устарел, захламился... Видимо, энное количество книг, большей частью им прочитанных, просто этого не впитали, заполняя собой все нужные места. Где была раньше его фотокарточка, где бедный, но гордый так искренне смеётся над жизнью, не понимая ещё, что плясать единожды может и крот, если приравнять эту неуклюжесть к танцу. Дежавю ли это, или просто бредовые страсти, или, логичней, страсти бредовые (за тавтологией больше всего на свете Мэйджис теперь желал скоротечности распутывания клубка этих мыслей), понимая, что дальше только пустота, вероломный поток из душевных врат. Где умысел из тех порядков, его ли это врата, пока ещё не поздно расставить все запятые, немного подождать для созерцания оставшихся не затронутыми идей... Просыпаясь, медленно сползая в глубины мыслей, всегда надо делать выбор, и его выбор однозначно один – ЗА.